

“ЗДЕСЬ БЫЛ Я, ВАШ ПАПКА!”

Сейчас я могу сказать, что они выдержали испытание, на солдата не упал позор преступления, совершенного теми, кто толкнул страну в афганскую авантюру...

Нинель Стрельцова.

Возвращение из Афганистана

В январе 1987 года под самое Рождество вместо ожидаемых морозов разразилась вдруг оттепель, да такая, что залила лужами все тротуары и дороги поселка. Но люди все шли и шли на Спортивную улицу, не замечая обилия воды, разбрызгивая слякоть по сторонам, горестным движением рук смахивая с лиц капли дождя и слез. Никогда эта тихая кадуйская улица не видела столько горя, столько человеческого участия и скорби. И потом, когда звуки духового оркестра подняли ввысь стаи ошалевших ворон, огромная черная толпа разомкнулась и выпустила из своих прощальных объятий цинковый гроб, неуклюже спеленутый куском красной кружевной материи. Десятки рук подхватили этот страшный груз и подняли над головами, и только теперь все увидели на торце гроба надпись, сделанную спешными мазками красной, как кровь, краски: “Ястребов А. Н.” Горе объединило в этот день людей, но многие только сейчас вот по-настоящему осознали, в чей дом на Спортивной постучалась беда.

Действительно, Сашу Ястребова знали в Кадуе далеко не все. Да и откуда было знать, если бывал он здесь не столь часто, и все больше наездами, в отпуск. Но Кадуй безоговорочно признал его родным, навечно приняв в свою землю. На центральном кладбище поселка рядом с братскими могилами тех героев-солдат, что защищали Родину в годы Великой Отечественной войны, еще и до сих пор желтеют свежим песком могилы их внуков – “цинковых мальчиков”. С одного из самых высоких надгробий смотрят строго и удивленно глаза Саши, будто спрашивают: “Неужели меня больше нет?!”

...Кадуйской улице с названием Спортивная везло на мальчишек: почти в каждом ее доме подрастали два, а то и

три пацана. Бабушка Надя Малинина, старожил Спортивной, нет-нет да и расскажет сегодня какую-нибудь байку из тех мальчишеских лет. Вспомнит она, сама же себе поддакивая, что “робята-те были дружными, не разлей-вода. Обидчиков на свою улицу не пускали, а сами столовались то в одном, то в другом доме: матери-то, слышь-ко, в ту пору все добрыми бабами были. И то сказать, дорогих мебелий не было. А на что пол крашенный жалеть, когда его вымыть лишний раз легче, чем робят урезонить?! А те, уж вволюшку нагулявшись, собирались воедино на поленницах и вели свои разговоры. Уж о чем, бывало, спорили, не скажу, не знаю, но шумели, окаянные, на всю улицу!”

И по сей день невдомек бабке Малининой, по какому поводу стоял вблизи сараев галдеж. А это мальчишки шумели о том, кто кем будет, когда вырастет. И больше всего их привлекало море. Завидовали тому, кто становился вдруг обладателем настоящей тельняшки, бегали смотреть на смельчака с наколкой в виде якоря, а к матросским будням, до посинения каждый день, готовились в мелкой и узкой речке Ворон. Морем мальчишек “заразил” маленький темноглазый крепыш по имени Сашка из дома Ястребовых.

Тот действительно “знал толк” в море, потому что родился и первые три года жизни провел в Кронштадте, городе, где все, даже камни, пропитано соленой водой и романтикой дальних плаваний. Что уж там понимал трехлетний человечек, неясно, но он все время донимал просьбами своего деда Павла Михайловича Ястребова: “Дед, а дед, скоро пойдем в море?” Тот усаживал внука в лодку, и “прилив” прибывал их (за три-четыре метра) к другому берегу Ворона: тут, за неимением весел и якоря, и рыбачили старик и мальчик. Словом, с воспоминаниями о море детства свое и юность Саша провел в Кадуе, в доме деда.

Его одноклассники, те самые мальчишки со Спортивной, давно повзрослевшие и ставшие отцами, вспоминают, что Саша в их компании был самым авторитетным, и не только из-за увлечения морем. Он покорял всех своей невозмутимостью и спокойствием, был рассудителен, как старик, и застенчив до кумачового девичьего румянца на щеках. Увлекался лыжами зимой и плаваньем летом, а в потасовках всегда занимал сторону слабого. У большинства мальчишек детские мечты, конечно, не сбылись, но Саше Ястребову море все-таки досталось. Восемь классов он закончил в кадуйской средней школе № 1, а затем уехал в Мурманск к матери своей, Вере Павловне.

Здесь, в профтехучилище, получил вполне земную профессию электросварщика, а направление пошел и взял в торговый флот. Не успел как следует хлебнуть соленой водицы – призвали в армию; служил в Эстонии, в ракетных войсках. После службы закончил курсы шоферов и получил права на вождение автомашины.

Выбор в жизни у него был. А он снова пришел на флот. В море закончил одиннадцать классов вечерней школы. На траулере ходил поначалу матросом, потому выучился на мастера по ремонту холодильных установок и объехал в течение последующих трех лет весь белый свет. Семейный альбом Ястребовых заполнен его любительскими фотографиями: вот Саша в матросской парадной форменке, а вот – в экзотическом костюме Водяного на празднике Нептуна во время перехода через экватор; какой-то задумчивый – с любимой гитарой в руках, а вот торжественный – у обелиска воинам в центре Кадуя... А этой маленькой фотографией Саша всегда очень гордился и постоянно носил с собой: на ней он бережно держит на плече свою наследницу – дочку Юлию, Юляшку, так называл любимицу... Фотографии да воспоминания, да Сашины распахнутые удивленно глаза на веснушчатом Юлькином лице – вот что осталось в наследство...

...Однажды, в свой очередной приезд в отпуск в Кадуй, Саша вдруг затосковал и впервые пожаловался на жизнь: “Понимаете, море останется морем, но разлука с семьей тяготит все сильнее. Наверное, спишусь на берег, поменяю профессию”. И действительно вскоре списался, устроился водителем в мурманскую автоколонну N 1105. Впрочем, он все умел делать, ни от какой работы не отлынивал. Вера Павловна гордилась сыном и признавалась, что Саша у нее ласковый, добрый, заботливый, а еще – чистюля, каких поискать...

А в 1986 году ее единственный сын-чистюля пришел в военкомат и выпросил разрешение добровольно поехать на службу в Афганистан. Он не мог уже тогда не знать, какую судьбу выбирал, каким испытаниям подвергал свою жизнь. Сегодня некоторые из нас склонны видеть в добровольцах афганской войны искателей длинного рубля, валюты и других, чаще вещевых, благ. Ну что же, наверное, были и такие мысли у наших парней – только кто же их теперь за это спросит и осудит?! Знали же они, на что шли: в 1986-м эти самые “черные тюльпаны” уже вовсю сигналили оттуда, из Афгана, красным светом беды. А ведь деньги в ребячьих

карманах могли зазвенеть и в России – тут и там как грибы после дождя, в этот же самый 1986-й, рождались у нас кооперативы: зазывно и соблазнительно краснела на кадуйских болотах дорогая ягода – клюква: бери, без оглядки на опасность, сколько хочешь, продавай потом хоть оптом, хоть в розницу, гребни деньги! А ребята шли в Афганистан!

Александр Ястребов работал в одном из военторгов водителем мощного рефрижератора, доставлял продукты питания и другие необходимые грузы в кишлаки и города Афганистана. “Мама, ты даже не представляешь себе, как горько мне смотреть в глаза афганских детишек – грязных, голодных, таких беззащитных. Они теперь часто выбегают нам под дорогу, протягивают исхудавшие ручонки и взглядом, словно немые, умоляют: “Кушаты!” Делимся всем, что находится съедобного. Теперь, собираясь в путь через границу, я хитрю и откладываю из собственного пайка в карманы “афганки” сладости. Как они рады нашим советским конфетам и печенью! А взрослому населению получили право продавать перевозимые продукты...” (Из письма, написанного в мае 1987 года). Одним словом, кормил Саша Ястребов людей. Вроде бы вполне мирная профессия, но в кабине его машины на сиденье всегда лежало наготове боевое оружие. Приходилось не раз бывать в перестрелке, а после очередного рейса подсчитывать и латать дырочки от пуль на кабине.

После года службы Саша вновь появился в Кадуе – получил отпуск. Шутил, смеялся, как всегда, и ... хромал вовсю. Ногу повредил еще до службы в Афганистане, и, надо же, к отпуску она вдруг разболелась не на шутку. Пришлось согласиться на операцию, после которой его на месяц “заковали” в гипс. Вера Павловна в душе надеялась, что это – конец Шашиной войне, ведь он же был всего-навсего вольнонаемным. Бедная мама, как будто она не знала собственного сына, не чувствовала его исполнительность и обостренную ответственность перед теми, кто еще оставался в Афгане... В октябре он вдруг позвонил ей из Мурманска и коротко сообщил: “Мамуля, 26-го я улетаю. Только не надо слез...” Ему оставалось дослужить всего четыре месяца; в декабре он отправил родным ободряющее письмо:

“Дорогие, хорошие мои девочки – мама, Татьяна, Юляшка! Живу хорошо, работа идет нормально. Так что за меня не волнуйтесь. Теперь уже совсем скоро буду дома.

Ждите. Целую! Ваш сын, муж, отец – Александр Ястребов”.

...В конце декабря в одном из ущелий горной провинции Кандагар по извилистому серпантину дороги двигалась колонна наших автомашин с грузом. За рулем головной машины был Александр Ястребов. Первым он встретил шквальный огонь душманской засады и первым, вывалившись из кабины уже раненным, вступил в бой. И погиб Саша первым, телом своим и машиной заслонив товарищей, дав им возможность покрепче уцепиться за камни и занять боевые позиции...

Что еще добавить?

Вера Павловна из шумного портового города на берегу Баренцева моря перебралась в Кадуй, чтобы больше уже никогда не разлучаться с единственным сыном.

Жена Саши, Татьяна Валентиновна, и Юлия получили в Мурманске удобную двухкомнатную квартиру благодаря хлопотам военкома, который некогда провожал Александра в Афганистан. В праздники, большие и малые, в их квартире всегда цветы – это заботятся ребята из “афганского” клуба. Татьяне на день рождения (надо же! и об этом уже знают!) подарили они электромиксер. А года два назад шумной толпой ввалились в двери и выставили перед нею стиральную машину “Сибирь”... Сердце оборвалось, прижалась к стене и беззвучно, как все эти годы, заплакала молодая, красивая женщина... Запахавшись, в расстегнутом пальто, прилетела после уроков дочка: “Ма, ты чего?” Взвизгнула, увидев обнову в доме: “Папка приехал!” – и осеклась, замолчала виновато... “Да, Юлия, вроде как и приезжал, забежал в наше с тобой отсутствие: завез попку и снова – надолго исчез... Даже не оставил своей шутовой записки: “Девчонки, здесь был я – ваш папка...”

* * *

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20.06.1988 года за мужество и отвагу, проявленные при исполнении воинского долга в Республике Афганистан, Александр Николаевич Ястребов награжден орденом Красной Звезды (посмертно).

Г. Мельникова